

DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-38-51

УДК 94(38).08

НАЧАЛО РЕГЕНТСТВА ПЕРДИККИ И СЛОЖНОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В ТЕНИ ОБРАЗА АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО

Михайлов Владислав Борисович

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия
vmihaylov@sfedu.ru

Аннотация. В статье рассматривается кризисный период истории Македонского царства после смерти Александра Великого в 323 г. до н.э. Одну из ключевых ролей в указанное время играл Пердикка, сын Оронта. Анализируемым материалом для темы послужили множественные свидетельства античных авторов, таких как Диодор Сицилийский, Квинт Курций Руф, Плутарх Херонейский, Марк Юниан Юстин и другие. Выход Пердикки на лидирующие позиции обосновывается множеством факторов, комплексно повлиявших на решение летнего собрания в Вавилоне 323 г. до н.э., когда указанный деятель стал регентом государства. Так, серьезным подспорьем были происхождение, близкое к царскому дому, и должность, занимаемая на момент смерти монарха. Кроме того, политическая позиция Пердикки, главным отражением которой являлось сохранение единой державы, вызвала симпатии среди определенного круга авторитетных представителей македонской элиты. Однако, несмотря на заметную выигрышность кандидатуры, будущий регент столкнулся с рядом сложностей. Уже во время обсуждения новой структуры управления страной между полководцами возникли разногласия, приведшие к военному конфликту. Сложность положения Пердикки заключается в ситуации ревностного охранения своих позиций «непокоренных военачальников» приближенными царя и в их нежелании подчиняться кому-либо кроме Александра. Таким образом, в работе разбирается проблема становления указанного исторического персонажа в качестве фактического главы государства в условиях нарастающей конфронтации между последователями Александра.

Ключевые слова: Македонская держава, регентство, эпоха эллинизма, политическая борьба, династический кризис, диадохи.

Цитирование: Михайлов В.Б. Начало регентства Пердикки и сложности установления политического лидерства в тени образа Александра Великого // Новое прошлое / The New Past. 2024. № 3. С. 38–51. DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-38-51 / Mikhailov V.B. The Beginning of Perdikkas' Regency and the Difficulties of Establishing Political Leadership in the Shadow of the Image of Alexander the Great, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2024. No. 3. Pp. 38–51. DOI 10.18522/2500-3224-2024-3-38-51.

© Михайлов В.Б., 2024

THE BEGINNING OF PERDICCAS' REGENCY AND THE DIFFICULTIES OF ESTABLISHING POLITICAL LEADERSHIP IN THE SHADOW OF ALEXANDER THE GREAT

Mikhailov Vladislav B.

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
vmihaylov@sfedu.ru

Abstract. The article deals with the crisis period in the history of the Macedonian kingdom after the death of Alexander the Great in 323 BC. One of the main roles at the mentioned time was played by Perdikkas son of Orontes. The analysed material for the theme was the plural testimonies of ancient authors such as Diodorus of Sicily, Quintus Curtius Rufus, Plutarch of Chaeronea, Marcus Junianus Justinus and others. The ascent to the leading positions of Perdikkas is substantiated by many factors that comprehensively influenced the decision of the summer meeting in Babylon in 323 BC, when the mentioned person became the regent of the state. Close descent to the royal house and the position held at the time of the monarch's death were a serious backup. In addition, Perdikkas' political position, the main representation of which was the keeping of a united state, evoked sympathy among a certain circle of authoritative members of the Macedonian elite. However, despite the notable winningness of the candidacy, the future regent faced a several difficulties. Already while the new structure of management of the state was being discussed, disagreements arose between the commanders, leading to military conflict. The difficulty of Perdikkas' position lies in the situation of the jealous guarding of their positions as "unbowed commanders" by the king's associates and in their unwillingness to obey anyone but Alexander. The paper deals with the problem of the becoming of this historical character as the de facto head of state in the conditions of growing confrontation between Alexander's successors.

Keywords: Macedonian state, regency, Hellenistic period, political struggle, dynastic crisis, Diadochi.

Кризисные периоды в истории государств всегда представляют особый интерес для изучения. Это время острых дискуссий о будущем страны. Одним из самых важных аспектов этого вопроса является личность правителя устанавливаемой политической системы. Поэтому такие нестабильные эпизоды зачастую отражают самые решительные действия лидеров различных «партий». Борьба между сторонниками определенных подходов к формированию правящей прослойки, как известно, ведется за привилегированное положение в стране. Однако Вавилонский кризис лета 323 г. до н.э., сочетает в себе не только упомянутый конфликт, но и является олицетворением соперничества внутри македонской элиты, где во главу угла ставились личные интересы каждого из участников. Поздняя биография Пердикки показывает всю трудность достижения лидирующих позиций в условиях противостояния с практически равными по положению альтернативными кандидатами. Однако личные амбиции диадохов были не единственным препятствием на пути. Очень серьезное влияние имел сформировавшийся культ Александра Великого: обожествленный царь стал недостижимым примером идеального правителя.

Историография событий, связанных с установлением нового порядка в государстве Александра, включает довольно обширный пласт как зарубежных, так и отечественных работ. Свои версии происшедшего изложили видные историки XX–XXI вв. [Шофман, 1984; Шахермайр, 1986; Badian, 2012; Berve, 1926; Bosworth, 2002; Errington, 1970]. Авторы преимущественно обращаются к мотивам и устремлениям Пердикки, позиционируя его либо узурпатором верховной власти, либо действительным защитником державы, опекуном царей Филиппа III Арридея и Александра IV [Fontana, 1960; Hughes, 2022; Rathmann, 2005; Schachermeyr, 1970]. Рассматриваются и отдельные аспекты социально-политического статуса будущего регента, такие как его аристократическое происхождение, а также должность хилиарха при царском дворе [Корнилов, 2017; Collins, 2001]. Однако в контексте обозначенной нами проблемы важно изучить противостояние Пердикки с другими диадохами в условиях всеобъемлющего влияния образа Александра Великого.

Необходимо обозначить и имеющиеся в нашем распоряжении источники, которые позволяют рассмотреть данные события сквозь призму интересующих нас вопросов. Описание собрания в Вавилоне предоставляет римский историк I в. н.э. Квинт Курций Руф в своем произведении «История Александра Великого Македонского». Упоминание данного автора первым в списке источников не случайно. Из дошедших до нашего времени древних текстов Курций Руф дает наиболее подробное описание событий в Вавилоне. Труд римского историка написан на достаточно профессиональном уровне. Встречаются критические замечания, попытки осмысления материала, с которым работал автор. Как и все работы, описывающие предшествующие события, «История Александра...» Курция Руфа имела свою источниковую базу. Считается, что он в большей степени опирался на труды Клитарха и более известного своей политической деятельностью Птолемея Лага [Schäfer, 2002, S. 14; Schachermeyr, 1970, S. 120]. Апелляция к творению последнего вынужденно

наводит на мысль о предвзятом отношении автора к центральной фигуре Вавилонского кризиса. В первые годы войн диадохов Птолемей был в стане противников Пердикки, положивших конец его регентству. Некоторые исследователи склонны обвинять Курция и в излишней риторичности [Erskine, Waterfield, 2016, p. 34]. Тем не менее, существует альтернативная позиция, согласно которой Квинт Курций Руф опирался и на другие источники, такие как история Иеронима из Кардии, современника и, возможно, очевидца противостояния в Вавилоне, а также других важных эпизодов истории раннего эллинизма [Badian, 2012, p. 326]. Таким образом, данный исторический источник является самым информативным по указанной теме. Несмотря на некоторые драматические отвлечения, он обладает большой ценностью для исследования.

Менее информативными в этом плане являются труды Диодора Сицилийского (I в. до н.э.) и Марка Юниана Юстина (II–III вв. н.э.). Так, объемный труд Диодора «Историческая библиотека» повествует о сложившейся обстановке всего в нескольких главах XVIII книги [Diod. XVIII. 1–4]. Здесь автор ограничивается общими сведениями о противостоянии наследников Александра и дает весьма сдержанную характеристику деятельности Пердикки. Первоисточником для сицилийского историка является уже упомянутый труд Иеронима из Кардии, причем в обозначенном отрывке оригинал серьезно сокращен [Шахермайр, 1986, с. 294]. Подобным образом представляется работа римского эпитоматора Юстина. Изложив краткое содержание «Истории Филиппа» Гнея Помпея Трога, Юстин также опускает существенные моменты в истории политической борьбы между ключевыми фигурами Македонской державы. Примечательно, что ученые часто проводят параллели между работами Помпея Трога и Курция, фактически противопоставляя их друг другу. Последний характеризуется как эрудированный, скрупулезно отбирающий источники писатель, более точно и критично относящийся к сохранившимся свидетельствам [Errington, 1970, p. 73].

Еще одним историком, чей труд следует отнести к важным свидетельствам схватки за лидерство в Македонской державе, является Квинт Эппий Флавий Арриан из Никомерии (ок. 86–ок. 160 гг. н.э.). Будучи выходцем из знатной семьи, Арриан создал свою методику исследования источников, посредством которой смог стать одним из талантливейших историков своего времени [Christ, 1898, S. 669]. До нашего времени сохранился целый ряд произведений Арриана, в том числе и знаменитый трактат «Анабасис Александра», где он приводит источники, которыми имел возможность пользоваться (Αγγ. Απαβ. Ι). Опираясь в первую очередь на труды Птолемея и Аристубула, автор тем не менее задействовал и другие тексты. Так, например, последние дни Александра автор описывает в соответствии с т.н. эфемеридами – ежедневными записями о деяниях царя [Political Autobiographies ..., 2011, p. 48]. Работая над материалом, Арриан пытался достаточно объективно подходить к изучаемой информации. Весьма примечательны критические замечания в адрес того же Птолемея о разного рода расказах, знамениях. Арриан не остановился на предании о деяниях Александра и продолжил изложение в другой своей работе «История после Александра». Но,

к сожалению, с ней историкам можно ознакомиться лишь посредством изучения кратких отрывков. Кроме малочисленных фрагментов этого произведения, сохранилась эпитафия византийского патриарха Фотия I, датируемая IX веком. Из краткого изложения известно, что Арриан описал события после смерти Александра в десяти книгах. Автор довольно серьезно подошел к отбору источников для своего произведения. Следы Иеронима из Кардии, несомненно, присутствует и здесь [Reuss, 1876, S. 38–43].

Авторская характеристика Пердикки как политика в большинстве случаев весьма схожа. Древние историки склонны обвинять его в личностных устремлениях, попытках узурпировать македонский престол. Пожалуй, самым ярким проявлением указанной позиции можно назвать труды Плутарха Херонейского – создателя известных «Сравнительных жизнеописаний». Автор, писавший в эпоху римского господства, собрал избранные, по его мнению, биографии авторитетных личностей из разных эпох. Одно из жизнеописаний посвящено Александру Великому. Оно повествует о жизненном пути македонского завоевателя вплоть до его смерти. Здесь Плутарх использовал внушительный список источников, которые он упоминает сам по ходу повествования. Следует отметить, что большинство из них – это работы современников событий Персидского похода [Erskine, Waterfield, 2016, p. 35]. Для нас данный текст примечателен, в первую очередь, самым его окончанием, где Плутарх разоблачает преступление Пердикки и Роксаны, жены Александра: «Роксана была тогда беременна и потому пользовалась большим уважением у македонян. До крайности ревнивая и страстно ненавидевшая Статиру, она при помощи подложного письма заманила ее и ее сестру к себе, обеих убила, бросила трупы в колодец и засыпала землей, причем Пердикка знал об этом и даже помогал ей. Сразу же после смерти Александра Пердикка приобрел огромную власть – тем, что повсюду таскал за собой Арридея – эту куклу на царском троне» (Plut. Alex. LXXVII, 4). Из цитируемого отрывка становится очевидным не самое благожелательное отношение автора как к описываемым событиям, так и к персоналиям, эти события вершившим. Риторика писателя весьма понятна, ведь Плутарх был сторонником платонической идеи об общественном благе, и подобные эгоистичные устремления, как представляется, явно характеризовались отрицательно [Йегер, 2001, с. 117]. В дополнение к вышеуказанному описанию жизни Александра Великого следует добавить фрагмент из так называемых «Моралий» сборника сочинений Плутарха с весьма широким спектром тем, где одно из сочинений также было посвящено македонскому царю: «Или скорее как мертвое тело, лишённое души, теряет свой состав и связь, распадается, истлевает, исчезает, уходит, так, утратив Александра, воинство содрогалось, трепетало, воспалялось Пердикками, Мелеаграми, Селевками, Антигонами, как горячими вихрями и волнениями, сталкивающимися и спорящими между собой» [Plutarch. Moralia... , 1936, p. 440–441]. В цитате, без особых подробностей противостояния между македонянами, древний автор намеренно подчеркивает равное положение всех в борьбе за первенство. Никаким особым статусом Пердикка не обладал. Напротив, указанный деятель предстает перед читателем как один из активных интриганов, основным приоритетом которого является власть. Но даже отринув

эмоциональный окрас древнего автора, следует констатировать, что в данном случае личностные устремления Пердикки весьма очевидны. Устранив Статиру, одну из приближенных к Александру придворных женщин, регент пытался сократить количество возможных влиятельных персон, которых ему в качестве регента пришлось бы «опекать».

Несколько иной контекст имеет другое упоминание Пердикки у Плутарха. В жизнеописании Эвмена из Кардии есть отрывок, связанный с Вавилонским кризисом. Автор передает нам информацию о деятельности царского архиграмматевса, фактически главы административного аппарата государства, коим и являлся Эвмен: «Когда после смерти Александра между отборной конницей и пехотным войском возникли разногласия, Эвмен в душе был на стороне первых, но внешне держал себя в какой-то мере как единомышленник обеих сторон и как человек незаинтересованный, иноземец, которому неудобно вмешиваться в споры македонян» (Plut. Eum. III, 1). Царский секретарь был хоть и гражданской персоной, но оттого не менее влиятельной, и его расположение и содействие укрепило бы позиции Пердикки, возглавившего всадников. Эвмен из Кардии же известен своей принципиальной позицией в вопросе сохранения державы Александра: по мнению этого исторического деятеля, государство должно было остаться единым и под управлением династии Аргеадов. Такой союз, как представляется, мог быть заключен только в том случае, если Пердикка, по крайней мере в обозначенный период, преследовал схожие цели.

Приведенный краткий обзор источников, тем не менее, может так или иначе пролить свет на события противостояния в 323 г. до н.э. Александр Македонский умер в Вавилоне на тридцатый день месяца десья, то есть 10 июня. Здоровье царя ухудшалось постепенно, и, следовательно, его уход из жизни могло воочию лицемереть ближайшее окружение. Гетайры («друзья») пытались облегчить состояние правителя разными способами, вплоть до обращения к богам (Arr. Anab. VII, 26, 2; Plut. Alex. LXXVI, 4). Стоит отметить, что сам Александр уже к тому времени почитался практически как живое божество. В Египте он принял титул фараона, сына Амона [Серова, 2004, с. 142]. В Персии велась политика преемственности по отношению к династии Ахеменидов [Левек, 1989, с. 14]. Это также наделяло Александра некоторыми священными регалиями. Лишь для македонян он оставался человеком, но, без сомнения, могущественным и великим. Их настроения хорошо отражены в двух фрагментах произведения Курция Руфа. Первый отрывок передает беседу Пердикки с умирающим Александром: «Тогда Пердикка в свою очередь спросил его, когда он хочет, чтобы ему присудили божеские почести...» (Curt. X, 5, 6). Второй, не без драматизации, присущей римскому историку, повествует о стенаниях солдат армии Александра: «Македонцы раскаивались, что отказывали ему в божеских почестях, они считали себя неблагодарными и нечестивыми за то, что оскорбляли его слух, не воздавая ему желанного величия» [Curt. X, 5, 11]. Из приведенного следует, что в среде македонян сверхъестественный образ царя начинает формироваться уже после его смерти. Стоит отметить, что македонский царь активно напоминал о своей исключительности своему ближайшему окружению (Plut.

Alex. XLVI, 6; Plutarch. *Moralia*..., 1936, p. 442–443). Весьма показательны сюжеты, связанные с требованием от греков и македонян персидского преклонения [Шифман, 1988, с. 154–155]. Величественным было и его триумфальное прибытие в Вавилон [Mesopotamia in the Ancient World..., 2015, p. 369]. Все это вполне можно считать актами одного сценария. Царь пытался абсолютизировать и без того крепкое представление о неделимости таких понятий, как единая сильная держава и ее правитель. К 323 г. до н.э. можно констатировать окончательное формирование культа Александра Великого [Боги среди людей..., 2016, с. 191–230]. Он стал олицетворением могущества огромного государства. Его авторитет затмевал всех влиятельных гетайров и других приближенных [Зарапин, 2009, с. 7]. Поэтому даже после смерти при обсуждении государственных дел не обходилось без апелляции к персоне почившего монарха.

Таким образом, в среде македонских полководцев, сопровождавших Александра во время его завоевательных кампаний, сформировался образ незаменимого правителя. Поэтому какая-либо претензия на первенство неизбежно встречала резкое и агрессивное сопротивление. В таких условиях Пердикка должен был проявить весьма изощренный дипломатический талант для разрешения противоречий. Перед тем как проанализировать действия влиятельных полководцев во время собрания в Вавилоне, следует кратко охарактеризовать положение вышеупомянутого деятеля. Ведь именно он играл ключевую роль в событиях и, как следствие, встречался с наибольшими возражениями. Будущий регент действительно был родственником царского дома Аргеадов, служил еще под началом Филиппа II в качестве соматофилакса (телохранителя) [Berve, 1926, S. 313]. Также на посту командующего одним из воинских формирований он в составе македонской армии сопровождал Александра в походе на Персию [Шофман, 1984, с. 33–34]. Позднее Пердикка был назначен на высокую должность хилярха [Collins, 2001, p. 276; Heckel, 2016, p. 255; Hughes, 2022, p. 10]. В источниках также достаточно часто упоминается пассаж о передаче царского перстня Александром именно ему (Curt. X, 5, 4; Diod. XVII, 117, 3; Just. XII, 15, 12; Nep. Eum. II). Данное свидетельство до сих пор является весьма спорным, но даже если принять его за действительность, речь идет, скорее, о передаче большей части административных полномочий, нежели царской власти как таковой [Rathmann, 2005, S. 25]. Исходя из вышеперечисленного, следует констатировать наличие определенных аспектов, отличающих Пердикку от остальных приближенных Александра. Но сказать, что его кандидатура в качестве первого лица в государстве была очевидна, не представляется возможным [Wirth, 1967, p. 316].

На следующий день после смерти царя планировалось закрытое собрание узкого круга командующих армией (Curt. X, 6, 1). В полном составе присутствовали соматофилаксы: Пердикка, Птолемей, Леоннат, Аристон, Певкест, Пифон и Лисимах. К несчастью для руководящей элиты, этим планам не суждено было сбыться, так как после получения известий о мероприятии большое количество солдат ринулось во дворец для того, чтобы лицезреть происходящее или даже повлиять на решения полководцев [Waterfield, 2011, p. 20]. Здесь мы встречаем первый акт обращения

к фигуре Александра, без которого, как представляется, легитимность собравшегося совета была под вопросом. На трон были возложены царские инсигнии: доспехи, оружие, диадема и перстень, ранее дарованный Пердикке (Curt. X, 6, 1). Македонский обычай почитания элементов одеяния и амуниции правителя был достаточно популярен [Waterfield, 2011, p. 20]. Создавалась иллюзия присутствия монарха на совещании, и его главенствующая роль несколько ретушировалась. Такой религиозно-политический обряд проводился неоднократно. Так, например, Эвмен из Кардии в период войн диадохов использовал трон с царскими регалиями для того, чтобы отвести от себя ревностные настроения своих полководцев. Место для правителя находилось в самом центре военного лагеря, где была установлена палатка. В ней проходили совещания высших офицеров. На военном совете, таким образом, председательствовал не Эвмен, а сам Александр (Her. Eum. VII; Plut. Eum. XIII, 3–4). С большой долей вероятности следует считать, что архиграмматевс позаимствовал этот «ритуал» именно у Пердикки.

После необходимых приготовлений началось публичное обсуждение кандидатур. Их было не так много, и на фоне фигуры Александра каждый представлялся неподходящим. Они находились в разной степени родства с царем-завоевателем. По существу, в тот момент возглавить государство могли лишь два человека. Первым следует назвать единокровного брата Александра Арридея. Он был старше примерно на четыре года, но физиологические недостатки Арридея нивелировали его притязания на царскую диадему (Diod. XVIII, 2, 2; Just. XIII, 1, 11; Curt. X, 7, 4–5). Еще одним кандидатом был Геракл, сын Александра и Барсины, знатной персиянки. Но и он не мог быть провозглашен царем, так как был слишком юн и к тому же был македонянином лишь наполовину. Тем удивительнее представляется первое озвученное хилиархом предложение на совете: возвести на престол еще не родившегося ребенка бактрийской княжны Роксаны, недавно ставшей женой Александра Великого (Curt. X, 6, 9). Можно предположить, что уже в этот момент Пердикка рассчитывал на должность регента и тем самым желал обеспечить себе управление государством от имени малолетнего монарха. Однако сложность интерпретации ситуации заключается хотя бы в том, что никому не было известно, какого пола родится ребенок. Согласно преданию Квинта Курция Руфа, это обстоятельство осознавали и присутствующие. Главный флотоводец Неарх, грек с острова Крит, предложил сделать царем Геракла, но этот выбор был весьма энергично отклонен присутствующими воинами [Шофман, 1984, с. 68]. Рвение македонских солдат и их командиров, испытывавших чувство непобедимости и полного превосходства над покоренными народами, не позволило бы подчиняться тому, чья мать была немакедонского, а тем более персидского происхождения. Далее последовало предложение Птолемея о коллективном управлении страной, ведь в таком случае все высшие офицеры будут наделены властными полномочиями [Meeus, 2008, 48–49]. В его высказывании имелось и определенное условие: «Мое мнение таково: пусть те, кого Александр допускал на свои совещания, сходятся всякий раз, как будет потребность в совместном обсуждении, у его кресла, стоящего во дворце: на том, что решит большинство, и нужно всем стоять, этому должны подчиняться и все вожди, и военачальники» (Curt. X, 6, 15). Изречение

будущего правителя Египта очень ярко демонстрирует его отношение к Александру и вероятным кандидатам на получение его титулов: при наличии как минимум двух представителей династии Аргеадов мужского пола Птолемей отказывает им в претензиях на трон и выбирает коллегиальный орган под «духовным» председательством своего почившего государя.

Вариант Птолемея, как пишет Курций, был принят «некоторыми» (Curt. X, 6, 16). Реакция кажется весьма понятной, так как каких-либо кардинальных перемен не предполагалось. Царские приближенные все так же собирались бы под эгидой своего покровителя, не подчиняясь никому, кроме него самого. Однако подобный режим был бы недолговечным. По мере укоренения каждого из управителей в своих сатрапиях, роста их влияния и боевой мощи, партикуляристские тенденции в таком коллегиальном органе становились бы все сильнее. С этим не мог согласиться сторонник сильной центральной власти, коим был Пердикка. После обсуждения сценария Птолемея последовала речь еще одного соматофилакса, Аристона, который внес фактически самое смелое предложение за время собрания. Благородный македонянин объявил, что тот, кого среди остальных Александр избрал достойнейшим, передав царский перстень, вполне заслуживает стать и его преемником (Curt. X, 6, 16–17). Следовал Аристон чьим-либо указаниям или же он действительно видел в кандидатуре Пердикки истинного последователя Александра, неизвестно. Тем не менее, впервые на совете был выдвинут человек из гетайров. Из пояснений Курция следует, что выдвинутый на престол мог стать достойным продолжателем дела великого завоевателя, однако из собственной скромности Пердикка вел себя весьма нерешительно, и, как следствие, популярность инициативы Аристона угасала. Здесь стоит согласиться с мнением британского ученого Р.М. Эррингтона, который утверждает, что интерпретация римского автора носит презентистский характер и ни в коей мере не может описывать характер указанного исторического деятеля [Errington, 1970, p. 51]. Эррингтон также определяет и истинные мотивы поведения Пердикки: в случае рождения Роксаной ребенка мужского пола легитимность царской власти Пердикки оказалась бы под вопросом. Другие македонские аристократы могли выступить под знаменем юного правителя против «узурпатора» [Errington, 1970, p. 50; Hughes, 2022, p. 14; Waterfield, 2011, p. 22]. К позиции британского историка все же следует добавить и значимость фигуры Александра. Пердикка был весьма влиятельным командиром, но, несмотря на его статус первого среди равных, смело заявить о претензиях на место «царя-бога» он не мог. Тем яснее становится последовавшее за речью Аристона недовольство. Один из офицеров пехоты, Мелеагр, резко возразил ему, и протест был персонально направлен против Пердикки (Curt. X, 6, 20–22; Just. XII, 1, 6). Пламенная речь Мелеагра была активно поддержана и толпой солдат, из которой было выкрикнуто имя Арридея, сына Филиппа. Вполне может быть, что Мелеагр и сам предложил кандидатуру единокровного брата Александра [Bosworth, 2002, p. 40]. Как уже было сказано ранее, Арридей страдал физическим недугом, поэтому знатные македоняне не рассматривали его как самостоятельного правителя и не считали достойным подчиняться такому государю. Кроме того, некоторые источники утверждают, что брат Александра был благородного происхождения только наполовину (Just. IX, 8, 2; Plut. Alex. LXXVII, 5).

Хоть данное свидетельство и представляется неправдоподобным, вполне может быть, что позднее против Арридея велась определенная пропаганда [Berve, 1926, S. 385]. Но в протекавших на тот момент событиях личность Арридея была положительно принята толпой. В Вавилоне образовалось два противоборствующих лагеря: всадники во главе с Пердиккой, требовавшие дождаться рождения ребенка Роксаны, и пехота под предводительством Мелеагра, уже провозгласившая царем Арридея. Дело едва не дошло до открытого противостояния, но в конце концов всадники покинули город, не отказавшись тем не менее от своей идеи. Осадив город, они ожидали сдачи Мелеагра и Арридея, что через некоторое время и произошло.

Арридей в итоге был провозглашен царем, но под опекуном Пердикки. Кроме того, под защиту регента передавался и юный сын Роксаны, если таковой родится. Очевидно, что ни о какой реальной царской власти в данном случае говорить не приходится. На собрании во дворце было очень четко показано отношение македонян к титулу царя. Еще точнее были выражены надежды на достойного преемника Александра Великого, которые в конечном счете не сбылись. Таким образом, избрание Филиппа Арридея (после интронизации его нарекли именем отца) являлось одновременно и компромиссом между противоборствующими военно-политическими лагерями, и удобным механизмом распределения влиятельных должностей среди полководцев македонской армии. Одна часть приближенных получила сатрапии в управление, другая возглавила центральный аппарат. Царь не стал консолидирующей силой в стране, и эту задачу возложили на Пердикку, который, по всей видимости, в это время и сам лоббировал подобный сценарий.

В период конфронтации наступило время прагматической политики. Всеобщее восхищение Александром отошло на второй план. Лидеры перестали делать какие-либо отсылки на его изречения или деятельность. Его фигура в целом перестала быть той объединяющей силой, которой являлась в самом начале обсуждения во дворце. Без сомнения, культ царя-завоевателя развивался позднее: во времена регентства Пердикки был построен грандиозный катафалк для транспортировки тела к месту погребения, из-за которого и началась первая война диадохов [Badian, 2012, p. 177]. Затем Птолемей всячески способствовал развитию поклонения Александру в Египте, в том числе посредством учреждения должностей жрецов Александра [Серова, 2004, с. 140; Huß, 2001, S. 238]. Первое время сатрап Египта выпускал монеты от его имени [Hindsight in Greek ... , 2013, p. 125]. Упомянутые стратегемы Эвмена из Кардии также обращаются к религиозно-политической практике, связанной с Александром Великим. Однако, как представляется, подобная деятельность лидеров эпохи была в большей степени утилитаристкой, обращенной на среднее офицерство и рядовых солдат в армии, а также на простое население сатрапий. И без того влиятельный культ Александра, усиленный его скоропостижной кончиной, наиболее эффективным оказался как раз на собрании в Вавилоне. Даже ближайшие соратники царя, какими бы могущественными они ни были, с большой осторожностью продвигали собственные интересы. Тем сложнее представляется становление политической карьеры Пердикки в должности регента — фактического лидера государства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Арриан. Поход Александра. Пер. М.Е. Сергеенко. М.: Миф, 1993. 272 с.
- «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире. М.; СПб.: Изд-во РХГА, 2016. 733 с.
- Зарапин Р. В. «Друзья царя» в эллинистической монархии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*. 2009. Вып. 3. С. 6–25.
- Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Т. 1. Пер. с нем. А.И. Любжина. М.: Греко-латинский кабинет, 2001. 594 с.
- Корнилов Ю.В. Хилиарх при дворе Ахеменидов и Александра Великого // *Вестник Тамбовского университета*. 2017. Т. 22. Вып. 1. С. 117–122.
- Курций Руф Квинт. История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре. Пер. под ред. А.А. Вигасина. М.: Изд-во МГУ. 1993. 464 с.
- Левек П. Эллинистический мир. Пер. с фр. Е.П. Чиковой. М.: Наука. 1989. 252 с.
- Непот Корнелий. О знаменитых иноземных полководцах: из книги римских историков. Пер. с лат. и комм. Н.Н. Трухиной. М.: Изд-во МГУ. 1992. 208 с.
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1–3. Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М.: Изд-во АН СССР. 1963. 545 с.
- Серова М.Ю. Культ Александра Великого в Александрии Египетской // *Мнемон*. 2004. Вып. 3. С. 135–144.
- Шахермайр Ф. Александр Македонский. Пер. с нем. М.Н. Бютвинника, Б. Функа. М.: Наука. 1986. 384 с.
- Шифман И.Ш. Александр Македонский. Л.: Наука. 1988. 208 с.
- Шофман А.С. Распад империи Александра Македонского. Казань: Изд-во Казанского ун-та. 1984. 224 с.
- Юстин Марк Юниан. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae». Пер. с лат. А.А. Деконского, М.И. Рижского. СПб.: Изд-во СПбГУ. 2005. 493 с.
- Badian E. Collected papers on Alexander the Great. London; New York: Routledge. 2012. 540 p.
- Berve H. Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. 1–2. München: Beck. 1926. 441 S.
- Bosworth A.B. The Legacy of Alexander: Politics, Warfare, and Propaganda under the Successors. Oxford: Oxford University Press. 2002. 307 p.
- Christ W.C.H. Geschichte der griechischen Literatur bis auf die Zeit Justinians. München: Beck'sche Verlagsbuchhandlung. 1898. 976 S.
- Collins A.W. The Office of Chiliarch under Alexander and the Successors // *Phoenix*. 2001. Vol. 55. № 3–4. Pp. 259–283.
- Diodorus Siculus. The Library of History. Ed. by F.R. Walton. Vol. 9–11. Cambridge, 1957–1963.

- Errington R.M.* From Babylon to Triparadeisos: 323–320 B.C. // *JHS*. 1970. Vol. 90. Pp. 49–77.
- Erskine A., Waterfield R.* *Plutarch: Hellenistic Lives Including Alexander the Great*. Oxford: Oxford University Press. 2016. 576 p.
- Fontana M. J.* Le lotte per la successione di Alessandro Magno dal 323 al 315. Palermo: Presso l'Academia. 1960. 239 p.
- Heckel W.* Alexander's Marshals: a study of the Makedonian aristocracy and the politics of military leadership. New York: Routledge. 2016. 398 p.
- Hindsight in Greek and Roman History. Brock; Swansea: Classical Press of Wales. 2013. 300 p.
- Hughes T.* The Perdikkas Years, 323–320 BC. Yorkshire: Pen and Sword Military. 2022. 320 p.
- Huß W.* Ägypten in hellenistischer Zeit: 332–30 v. Chr. München: Beck. 2001. 885 S.
- Meeus A.* The Power Struggle of the Diadochoi in Babylon, 323 BC // *Ancient Society*. 2008. Vol. 38. Pp. 39–82.
- Mesopotamia in the Ancient World: Impact, Continuities, Parallels Münster: Ugarit-Verlag. 2015. 666 p.
- Plutarch.* *Moralia*. Vol. IV. Translated by F.C. Babbitt. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 1936. 576 p.
- Political Autobiographies and Memoirs in Antiquity. Leiden; Boston: Brill. 2011. 464 p.
- Rathmann M.* Perdikkas zwischen 323 und 320. Nachlassverwalter des Alexanderreiches oder Autocrat? Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 2005. 100 S.
- Reuss F.* Hieronymos von Kardia: Studien zur Geschichte der Diadochenzeit. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung. 1876. 187 S.
- Schachermeyr F.* Alexander in Babylon und die Reichsordnung nach seinem Tode. Wien: Böhlau. 1970. 224 S.
- Schäfer C.* Eumenes von Kardia und der Kampf um die Macht im Alexanderreich. Frankfurt am Main: Clauss, 2002. 201 S.
- Waterfield R.* Dividing the Spoils: The War for Alexander the Great's. Oxford: Oxford University Press. 2011. 274 p.
- Wirth G.* Zur Politik des Perdikkas 323 // *Helikon*. 1967. Vol. 7. Pp. 281–322.

REFERENCES

- Arrian. *Pokhod Aleksandra* [The Anabasis of Alexander]. Tr. M.E. Sergeenko. Moscow: Mif. 1993. 272 p. (in Russian).
- «Bogi sredi lyudei»: kul't pravitelei v ellinisticheskom, postellinisticheskom i rimskom mire ["Gods among humans": the cult of rulers in the Hellenistic, post-Hellenistic and Roman worlds]. Moscow; St. Petersburg: RKhGA Publ. 2016. 733 p. (in Russian).

- Zarapin R.V. «Druz'ya tsarya» v ellinisticheskoi monarkhii ["Friends of the King" in the Hellenistic Monarchy], in *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Series: World history*. 2009. No. 3. Pp. 6–25 (in Russian).
- Jäger W. *Paideiya. Vospitanie antichnogo greka* [Paideia. The Ideals of Greek Culture]. Vol. 1. Tr. A.I. Lyubzhin. Moscow: Greko-latinskii kabient. 2001. 594 p. (in Russian).
- Kornilov Yu.V. Khiliarkh pri dvore Akhemenidov i Aleksandra Velikogo [The office Chiliarh at the court of the Achaemenids and Alexander the Great], in *Vestnik Tambovskogo universiteta*. 2017. Vol. 22. No. 1. Pp. 117–122 (in Russian).
- Quintus Curtius Rufus. *Istoriya Aleksandra Makedonskogo. S prilozheniem sochinenii Diodora, Yustina, Plutarkha ob Aleksandre* [History of Alexander the Great. With the appendix of the works of Diodorus, Justin, Plutarch about Alexander]. Tr. and ed. A.A. Vigasin. Moscow: MGU Publ. 1993. 464 p. (in Russian).
- Levesque P. *Ellinisticheskii mir* [Hellenistic world]. Tr. E.P. Chikova. Moscow: Nauka. 1989. 252 p. (in Russian).
- Cornelius Nepos. *O znamenitykh inozemnykh polkovodtsakh: iz knigi o rimskikh istorikakh* [About famous foreign commanders: from the book about Roman historians]. Tr. and comm. N.N. Trukhina. Moscow: MGU Publ. 1992. 208 p. (in Russian).
- Plutarkh. *Sravnitel'nye zhizneopisaniya* [Parallel Lives]. Vol. 1–3. Ex. ed. M.E. Grabar'-Passek. Moscow: AN SSSR Publ. 1963. 545 p. (in Russian).
- Serova M.Yu. Kul't Aleksandra Velikogo v Aleksandrii Egipetskoj [Cult of Alexander the Great in Alexandria of Egypt], in *Mnemon*. 2004. No. 3. Pp. 135–144 (in Russian).
- Schachermeyr F. *Aleksandr Makedonskii* [Alexander the Great]. Tr. M.N. Botvinnik, B. Funk. Moscow: Nauka. 1986. 384 p. (in Russian).
- Shifman I. Sh. *Aleksandr Makedonskii* [Alexander the Great]. Leningrad: Nauka. 1988. 208 p. (in Russian).
- Shofman A. S. *Raspad imperii Aleksandra Makedonskogo* [The collapse of Alexander the Great's empire]. Kazan': Kazanskii un-t Publ. 1984. 224 p. (in Russian).
- Marcus Iunianus Iustinus. *Epitoma sochineniya Pompeya Troga «Historiae Philippicae»* [Epitome of Pompeius Trogus' «Philippic histories»]. Tr. A.A. Dekonskii, M.I. Rizhskii. St. Petersburg.: SpbGU Publ. 2005. 493 p. (in Russian).
- Badian E. *Collected papers on Alexander the Great*. London; New York: Routledge. 2012. 540 p.
- Berve H. *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*. Bd. 1–2. München: Beck. 1926. 441 S.
- Bosworth A.B. *The Legacy of Alexander: Politics, Warfare, and Propaganda under the Successors*. Oxford: Oxford University Press. 2002. 307 p.
- Christ W.C.H. *Geschichte der griechischen Literatur bis auf die Zeit Justinians*. München: Beck'sche Verlagsbuchhandlung. 1898. 976 S.
- Collins A.W. The Office of Chiliarh under Alexander and the Successors, in *Phoenix*. 2001. Vol. 55. No. 3–4. Pp. 259–283.

- Diodorus Siculus. *The Library of History*. Ed. by F.R. Walton. Vol. 9–11. Cambridge, 1957–1963.
- Errington R.M. From Babylon to Triparadeisos: 323–320 B.C., in *JHS*. 1970. Vol. 90. Pp. 49–77.
- Erskine A., Waterfield R. *Plutarch: Hellenistic Lives Including Alexander the Great*. Oxford: Oxford University Press. 2016. 576 p.
- Fontana M.J. *Le lotte per la successione di Alessandro Magno dal 323 al 315*. Palermo: Presso l'Academia. 1960. 239 p.
- Heckel W. *Alexander's Marshals: a study of the Makedonian aristocracy and the politics of military leadership*. New York: Routledge. 2016. 398 p.
- Hindsight in Greek and Roman History*. Brock; Swansea: Classical Press of Wales. 2013. 300 p.
- Hughes T. *The Perdikkas Years, 323–320 BC*. Yorkshire: Pen and Sword Military. 2022. 320 p.
- Huß W. *Ägypten in hellenistischer Zeit: 332–30 v. Chr.* München: Beck. 2001. 885 S.
- Meeus A. The Power Struggle of the Diadochoi in Babylon, 323 BC, in *Ancient Society*. 2008. Vol. 38. Pp. 39–82.
- Mesopotamia in the Ancient World: Impact, Continuities, Parallels* Münster: Ugarit-Verlag. 2015. 666 p.
- Political Autobiographies and Memoirs in Antiquity*. Leiden; Boston: Brill. 2011. 464 p.
- Plutarch. *Moralia*. Vol. IV. Translated by F.C. Babbitt, Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 1936. 576 p.
- Rathmann M. *Perdikkas zwischen 323 und 320. Nachlassverwalter des Alexanderreiches oder Autocrat?*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. 2005. 100 S.
- Reuss F. *Hieronymos von Kardia: Studien zur Geschichte der Diadochenzeit*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung. 1876. 187 S.
- Schachermeyr F. *Alexander in Babylon und die Reichsordnung nach seinem Tode*. Wien: Böhlau. 1970. 224 S.
- Schäfer C. *Eumenes von Kardia und der Kampf um die Macht im Alexanderreich*. Frankfurt am Main: Clauss, 2002. 201 S.
- Waterfield R. *Dividing the Spoils: The War for Alexander the Great's*. Oxford: Oxford University Press. 2011. 274 p.
- Wirth G. Zur Politik des Perdikkas 323, in *Helikon*. 1967. Vol. 7. Pp. 281–322.

Статья принята к публикации 22.07.2024